

**ИНТЕРВЬЮ С ЛЕОНИДОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ ВАСИЛЬЕВЫМ
INTERVIEW WITH LEONID S. VASILYEV, FULL PROFESSOR
(1930–2016)**

Проект: «Китаеведение – устная история»

Sinology: Oral History

*Проект выполнен при поддержке гранта РГНФ № 12-21-10000
«Китаеведение – устная история»,*

*The Project is supported by RHSF Grant № 12-21-10000 «Sinology – the Oral History»,
International Academic Contest by RHSF (Russia)*

<p>Васильев Леонид Сергеевич, д.и.н., ординарный профессор (ЛВ) ИВ РАН, НИУ Высшая школа экономики (Москва) Проект: Китаеведение – устная история Место интервью: Москва Дата: июнь-ноябрь 2013 г. Брал интервью: Синецкая Э. А. (ЭС), снс ИВ РАН Комментарии: Головачёв В. Ц., Синецкая Э. А. Продолжительность: 4 часа Объем: 2,3 а. л., 51 с.</p>	<p>Leonid S. Vasilyev, Full Doctor (History) Full Professor, Institute of Oriental Studies, RAS, High School of Economy (Moscow) Project: Sinology – Oral History Place: Moscow Date: June-November, 2013 Interviewed by: Elvira A. Sinetskaya, Sr. Research Fellow Institute of Oriental Studies, RAS Comments by: Valentin C. Golovachev. Elvira A. Sinetskaya Duration: 4 hours Volume: 51 pages</p>
---	--

Васильев Леонид Сергеевич (1930–2016). Востоковед, историк, религиовед. Окончил истфак МГУ(1953). Д.и.н. (1974), профессор (1979). Главный научный сотрудник ИВ РАН/АН СССР (с 1956). Профессор МГИМО и ИСАА при МГУ. Ординарный профессор НИУ Высшая школа экономики (с 2007). Автор двухтомного университетского учебника «История Востока», шеститомного учебного пособия «Всеобщая история», учебного пособия «История религий Востока», десятков монографий и сотен статей по истории и культуре Китая, проблемам востоковедения и всеобщей истории

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ИНТЕРВЬЮ:

**ЭС: Представьтесь, пожалуйста, кто Вы, где и когда родились?
Может быть, скажите пару слов о своих родителях, дедах?**

ЛВ: Я, Васильев, Леонид Сергеевич, доктор истории, родился я в октябре 1930 г., соответственно, лет мне много. Но, как говорят китайцы, *хай цзай* 还在 – и я этим доволен. Что будет дальше – не знаю, пока работаю.

Появился на свет в Москве, во вполне интеллигентной семье. Отец мой, Сергей Петрович Васильев – из военных, учился в кадетском корпусе когда-то, до 1917 года, разумеется. Он всегда избегал говорить о своих юных, молодых годах. И, надо сказать, что во времена моей молодости, которые я прожил со своими родителями, не было принято это делать, причем не только в моей семье, это была некая общая норма. Не стоило говорить ничего лишнего, тем более детям. А я и не очень интересовался. Историком в том смысле, как то обычно воспринимается, т.е. специалистом, углублённым в какую-то узкую тему, тогда быть не собирался; мои интересы, в основном гуманитарно-социополитические, всегда были широки и необъятны, так что особо в какие-то специальные проблемы в юности я не вникал.

Единственно, что я точно знаю про прошлое отца, так это то, что он в 1922 г. окончил Бауманское училище. Был выпущен инженером-технологом по холодной обработке металлов. Так написано в его дипломе, я это видел когда-то своими глазами и запомнил. Родом он из Ташкента, как и мать. Мама, Нонна Савишна, в девичестве – Ростовская, в 1941 г. окончила институт иностранных языков (тот самый, сегодня имени М. Тореза, он тогда был один), вечернее отделение. В Москву её привели, как я догадываюсь, социополитические взрывы. Наверно, несколько позже, в 1920х годах, потому что в 1921 году, когда была перепись (первая при новой власти), она, только-только став в Ташкенте студенткой, принимала в ней участие. Это было самым ярким впечатлением её юности и стало почти единственным, о чём она мне иногда с удовольствием рассказывала. Она ездила на ишаках по кишлакам и смело производили эту перепись, как и другие мальчишки и девчонки первого или второго курса. Она рассказывала, как им давали паёк из расчёта по лепёшке и полфунта изюма на день, и они все были очень довольны. Куда им больше! Они, молодые и здоровые, радовались жизни. После этого моя мать, будучи уже в Москве, не доучившись в Ташкенте, работала чертёжником и неплохо зарабатывала. В то время зарабатывать чертежами было милое дело, почти как ныне программистам. Их было много,

их труд ценился. Надо было иметь хорошие руки, некоторое образование и умение работать. Платили, насколько понимаю, неплохо. Но в техническую сферу занятий после этого, в отличие от отца, она не пошла, хотя они были вместе.

Как и когда мои родители познакомились, тоже не знаю, но полагаю, что по своим ташкентским связям. Вообще это было, думаю, тогда не слишком сложно, особенно принимая во внимание, что Москва была вдесятеро меньшей, нежели сегодня. А, быть может, учитывая только что завершившуюся войну с эмиграцией и репрессиями, и того много меньшей. Насколько знаю по фотографиям, они были хорошо знакомы и, видимо, уже вместе по меньшей мере с середины 1920х годов.

В 1930х годах мама ходила по вечерам учиться. Я уже был тогда большим мальчиком (до того в доме была няня Вилена, как помню – Елена Венедиктовна). Мы с отцом вечером, после его работы, сами готовили какой-нибудь ужин, а мама приходила позже. Это я помню.

Иногда я оставался один, а они приходили оба поздно, посетив какой-нибудь спектакль. Мой отец был **в те годы техническим специалистом**, как то тогда обычно именовалось. Его звание инженера, который окончил Бауманское училище (МВТУ, считавшееся в те времена весьма престижным, если даже не самым престижным техническим вузом), было по сегодняшним понятиям чем-то вроде кандидата наук, а то и чем-то большим, в смысле редкости и спроса.

Отец работал, несмотря на молодость, обычно на должности технического директора, так тогда это называлось, или же главного инженера, то ли какого-то авиационного завода, то ли ещё где-то. Мы с мамой ездили вслед за ним по разным городам. Где-то **с 1935 года**, мне было 5 лет, отцу – 35. В 1936-1938 он работал то в Воронеже, то в Запорожье, то в Ейске. В Воронеже, насколько помню, была моя первая новогодняя ёлка (как раз тогда её разрешили; до того это считалось нехорошим пережитком). Ёлка была со свечами, от которых она и загорелась. Воспоминание яркое: на моих глазах

взрослые тушили пожар вёдрами. Там же, а быть может и в Запорожье, я впервые обрадовал маму заявлением, что буду жениться на девочке из соседнего подъезда, что маму несколько озадачило. И на вопрос о причинах такого выбора я очень серьёзно ответил, что она же рядом живет...

Ейск я уже помню хорошо, потому что это было перед моей школой, я был там только с отцом; мама, надо полагать, уже училась. Я ходил в детский сад сам, довольно далеко. Как-то по пути встретил похоронную процессию. Все говорили: умер, покойник. Меня очень заинтересовало, что такое покойник, что это за род занятий, какая именно профессия... Дотошным был. Мне надо было идти в школу в том 1938 году, тогда в школу брали с 8ми лет... Хорошо помню, как мы с отцом невзначай удирали из Ейска. Отец пришёл однажды вечером, сложил наспех наш чемоданчик, и в тот же вечер мы сели на поезд и приехали в Москву. Потом лет через 15, не раньше, уже будучи студентом, я узнал, что нашелся кто-то, быть может, чем-то обязанный отцу, предупредил, что он в списках, что завтра его возьмут. Спасибо тому смелому человеку! Отец не стал ждать завтрашнего дня, схватил меня и повёз... Такие случаи бывали кое у кого в те дни, хотя и не часто. Благодаря этой случайности, как я считаю, вся моя жизнь сложилась удачно. Мы спокойно возвратились в Москву к маме, там отца, понятно, никто не искал. Отец заново устроился на работу на авиазавод в районе Мейровского проезда (24-й завод, как все его называли). Мы там прожили несколько лет, и там я пошёл в школу. Помню, как мама просила взять меня сразу во второй класс (умел читать и писать), и как её при мне грубо отшили на том основании, что я не один такой.

С начала войны отец как технический специалист, естественно, имел бронь. День начала войны и речь Молотова по радио ровно в 12 часов хорошо помню. Было воскресенье, все дома, мама только что кончила учёбу. Было нечто вроде небольшого праздника, я купил торт внизу в магазине. Мы жили уже не на Мейеровском, а в центре, в том знаменитом огромном доме на Садово-Спасской напротив метро «Красные ворота», где в полуподвале,

как я впоследствии узнал, находилась мастерская первых наших ракетчиков (Цандер, Королёв и другие). Летом тем, уже после начала войны, впервые был в пионерском лагере под Москвой, там дразнили *москвичом*, из чего я понял, что был из столицы один, и что другие, *не-москвичи*, столичных очень не любят. А из лагеря было видно – несколько десятков километров – как бомбили Москву, точнее, как взрывались зенитные снаряды в небе. Осень 1941 года была беспокойной. Школы, похоже, в октябре уже не работали (как было в сентябре, не помню). Все в магазинах быстро дорожало и исчезало из продажи, я бегал по очередям. На день рождения, 9 октября, едва сумел достать себе в подарок шоколадную плитку за 13 рублей (дорого, это помню). Мы с матерью уехали в Ташкент – это наш город, там родня жила. Потом отец тоже приехал в Ташкент; всю войну он работал на разных руководящих должностях, вплоть до заместителя главного инженера на «Ташсельмашзаводе». Так назывался этот завод, который производил мины (во всяком случае тот участок, которым ведал отец). Это был очень большой завод. На всю Среднюю Азию он в своё время поставлял, быть может, и какие-то сельхозмашины. Много лет спустя я узнал о том, что когда наш вождь строил сельскохозяйственные, тракторные и комбайновые заводы, он всё делал так, чтобы они в нужное время могли перейти на производство танков или каких-нибудь иных вооружений, так что, конечно, удивляться не приходится, что этот завод делал мины. Скорей всего, даже, не только их.

И там мы провели почти всю войну, потом вернулись в Москву – это был уже 1944 год. Отца послали в Харьков, восстанавливать какой-то там завод «Полиграфмаш», а потом был ещё какой-то завод. Но я, кончив в этом же Харькове школу, уехал учиться в Москву и уже жил самостоятельно. Можно сказать, детство прошло.

В детстве я считался способным ребёнком. Рано стал читать. Где-то со второго класса или даже первого класса ходил в библиотеку, куда меня мама записала рано. Там меня сажали на то место, откуда легче было бы читать надписи на диапозитивах. Собиралось много ребят, смотрели все с интересом

– это как сегодняшние мультики. Я охотно читал, и все были довольны. Я этому не придавал значения: раз я могу прочитать, так и читаю, жалко что ли? Но, видимо, среди слушателей таких было немного, как я потом уже задним числом понял. Как-то неожиданно, скорей всего на 1-е мая, мне сделали подарок: какой-то набор карандашей с вазочкой. Был тронут вниманием, которое библиотека ко мне проявила, и честно скажу, из всех наград, которые я получал за свою жизнь, эта – самая впечатляющая. И почти что единственная. Потому что, кроме иногда премий, что случалось не часто, и каких-либо почётных знаков, ничего не получал. В этом смысле моя жизнь сложилась несколько своеобразно, и я сам соответствовал тому, как она сложилась. Несколько слов еще о родителях. Мама была внимательна ко мне, а отцу было некогда, и это естественно. Хотя, правда, когда время у него было, он, например, сделал мне маленький столик, лет мне было 5-6. Этот стол с коротенькими ножками, был аккуратным и очень хорошеньким (вообще, отец был мастером на все руки, а руки у него, в отличие от моих, были золотыми...). Я этим столиком пользовался всю свою жизнь (ножки были удлинены со временем), и внука, насколько помню, воспитывал сидящим за этим столиком. Папа мне ещё большую картину нарисовал, размером с мой столик: *Три поросёнка*. Она долго висела у меня над столом. Вот эти короткие воспоминания – немного, что осталось от отца как воспоминания о детстве. Воспитывала же меня, конечно, мама.

Про дедов, бабушек скажу два слова. Дед по отцу, Васильев Пётр Филиппович (1865-1935) – полковник и георгиевский кавалер. Он воевал в русско-японской и германской войнах, служил в Туркестане, потом в Ташкенте был *лишенцем*, все **его регалии и ордена** бабушка (А. Петерс; аристократический её немецко-прибалтийский род восходит ко временам Петра I, когда его основатель в России артиллерист К. Петерс попал со шведами в плен и стал служить России: многие из его потомков были генералами) **на всякий случай тогда вместе с архивом уничтожила**. Перед смертью служил в Ташкенте делопроизводителем и умер от *пеллагры*¹ (он был *лишенцем*, а хлебные карточки для таких были, понятно, минимальны).

¹ *Пеллагра* (от итал. pelle agria – шершавая кожа), заболевание из группы авитаминозов

Дед другой, присяжный поверенный Савва Ростовский – погиб в 1918 году, а его сын где-то в 1920х (он был учёным-экономистом, занимал должность в ташкентском госплане). А бабушка по матери, Слава Островская, жила в Ташкенте же, в семье своей дочери.

Родственников было много. Вообще же с родней было не бог весть как, хотя судить об этом я мог, уже лишь став взрослым, а анализировать начал ещё позже, когда занимался семейными проблемами. Ну, нет в нашей стране сколько-то развитой культуры родственного общения, ни примитивно-родовой, ни цивилизованно-современной. Живут люди, как приведётся. Чаше ссорятся и разругиваются, нежели сплачиваются и готовы прийти на помощь. Быть может, чуть сгущаю краски. Но на моей жизни всё было примерно так, хотя я вовсе не склонен жаловаться. Скорей, напротив.

ЭС: Когда Вы впервые узнали, что существует такая страна, как Китай, и как это произошло? Каким был образ изначальный Китая в Вашем восприятии ещё в то время?

ЛВ: В детстве единственное, что знал о Китае, так это то, что знала моя мама, которая в детстве когда-то училась в *Канске*,² в женской тамошней гимназии, которую только открыли на рубеже XX века. У неё остались какие-то впечатления от этих первых лет. И она уже в моём зрелом возрасте, скажем, в мои 10-12 лет, рассказывала, что *Конфуций*³ (был такой умный китаец) говорил, что у обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной – сколько у двух куриц. Я был мальчиком не то чтобы очень умным, но пытавшимся как-то во всём разобраться и проанализировать. Я не спорил с мамой: ну, Конфуций сказал, мама мне это передала. Но почему? Я понимал, что он вроде хотел унижить женщину. Что у обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, – это понятно, но почему у необыкновенной столько, сколько у двух куриц – это совсем

² *Канск* (ныне Красноярского края). Старинный городок, при всех режимах служил местом поселения каторжан и ссыльных. Купцы города в XVIII в. торговали через Кяхту с Китаем

³ *Конфуций* 孔夫子 (Кунцзы 孔子 – *Учитель Кун*) (552/551 до н.э. – 479 до н.э.). Великий философ, основатель конфуцианства. В истории цивилизации Конфуция ставят в один ряд с основателями мировых религий: Иисусом Христом, Буддой и Мухаммедом

непонятно. Не стану объяснять, что Конфуций никогда ничего подобного не говорил – надеюсь, мне поверят как специалисту. Но и говорить, что это побудило меня познакомиться с Китаем, так сказать, было бы слишком смело. Просто, это были единственное, что я тогда знал о Китае. Правда в старших классах, уже в Харькове, мальчишки говорили, что в Китае есть какие-то освобожденные районы.

В 1946-1947 гг. я политикой совершенно не интересовался. Мой комсомольский, так сказать, задор ограничивался тем, что я что-то знал, ну, может быть, про то, что есть в Китае освобожденные районы, и это было всё, что знал тогда о Китае, пока не пришел в университет.

Вообще мне повезло в жизни, во многих отношениях. И с родителями, потому что и отец, и мать зарабатывали. И с жильем, и с учением, и с войной – повезло, что я родился не в 1922-1925ом, от кого мало осталось в живых после войны, а в 1930м. И со многим другим. В школе учился хорошо. Много читал, что развивало память и наполняло мозги. Но не один такой был, кто учился хорошо. В нашем классе, когда мы уже кончали школу (это уже 1948 г.), было таких человек 10 из 20 с лишком, которые претендовали на медаль. И, действительно, человек 8 получили её. Золотую дали мне. Я пожимал плечами, а мне, не стесняясь, говорили – *это тебе за фамилию дали*. Ничего не могу сказать, ни за, ни против, но – факт. Понять, кто были другие претенденты, легко: Харьков – это, как и Одесса или Ростов, город, где давно жили люди той национальности, с которой у вождя в эти годы были свои суровые счёты. Наши, как правило, были не просто хорошими, но умными и очень способными ребятами. Я потом, уехав в Москву, уже не слишком часто, мягко говоря, с ними встречался.

Учились мы, то в смешанной школе, то мальчишки – в мужской. Так что, объединяющей структурой для нас стало только комсомольское собрание. Тогда в комсомол вступали все, не вступить – значило бросить вызов и вообще оказаться как бы вне коллектива. Вступил и я, но не потому, что мне очень нравилась ВКП(б), вопрос об этом вовсе не стоял, а потому, что это было средство нормализации социального статуса.

Человек вне комсомола – большой вопросительный знак. Да и зачем: ведь это было тогда ни к чему не обязывающим средством общения. Особенно это касалось общего (школы или всего курса) комсомольского собрания. В наши дни об этом даже трудно рассказывать молодому поколению – они тебя просто не поймут. А тогда это было именно так. Комсомольское собрание – это просто общее собрание, когда время от времени встречаются все и делятся идеями, замыслами, эмоциями. Ну и, конечно, всегда была на них официальная часть, посвящённая какой-то теме, либо очередной какой-то политической кампании. Вообще, я по натуре, так уж сложилось, необщительный интроверт, плохо сходился и схожусь с людьми. Ко мне относились без особого интереса. Потом, когда уже достаточно успешно работал в Институте востоковедения, стал много издаваться, думаю, это сыграло роль для расширения круга общения. Но, тем не менее, я таким и остался, каким был рождён. Сознвая ущербность в этом плане, считаю, тем не менее, что жизнь моя прошла не так уж и плохо. Это своего рода жизнь в науке, но не столько в углублённом исследовании узкой темы, хотя иногда и не без этого, сколько в широком интересе к критической оценке и к сводно-обобщающему анализу, если хотите, и к некоему предположительному синтезу, связанному с поиском глубинных закономерностей бытия.

ЭС: Кто повлиял на Ваши интересы и выбор профессии (родители, друзья, знакомые)?. Как и почему Вы стали китаеведом, занялись изучением Китая?

ЛВ: В 1947 году я приехал в Москву, поступил на истфак МГУ. Как стал востоковедом? Вопрос не лишён смысла и не слишком ясен и мне самому. Сразу скажу, ни о чём подобном не мечтал и соответствующих интересов не имел. Когда пришёл в университет, Китаем совсем не собирался заниматься. А первые два курса нас не спрашивал никто об этом, эти два курса были общими и одинаковыми для всех. Вот выбирать специализацию нужно было перед третьим, в 1950м году. За это время в Китае успела смениться власть. Это на многих из нас, конечно, немало подействовало. Мы

были на истфаке, и это обязывало как-то интересоваться историей и политикой. Фундаментальные сдвиги в Китае создавали определённый фон. Мало того, нам дали понять, что заниматься Китаем теперь уместно и интересно. И это произвело впечатление.

Был специальный набор, на базе которого вскоре были созданы кабинет Востока и кафедра истории Востока. До этого были немногие преподаватели, занимавшиеся Востоком, в том числе Китаем. Бывали и студенты, по 2-3 человека на курсе. Среди них – *Виталий Рубин*,⁴ на два года старше меня. Больше никого из тех, кто нынче известен, не было. Только всё начиналось. Годы, не забудьте, были страшными, преподавателей со времен 1930х почти не было. И я взялся, рядом с некоторыми другими, изучать Китай. Нас интересовал новый Китай, что происходит с ним. Это было необычно, что-то новое начиналось. Не скажу, что меня очень привлекал коммунизм. Мама давно уже меня научила относиться к нему и к нашим порядкам более чем скептически. Мне были едва ли не более приятны те зарубежные голоса, которые, пробиваясь через преграды, рассказывали много необычного о том, как живут люди в странах за пределами *лагеря мира и социализма*, которые немало говорили и о том, какова реальная жизнь в стране, руководимой безжалостным вождем.

Но стать китаеведом было другое дело, новое и интересное. Как бы то ни было, но немалая группа юных китаеведов занялась теперь в МГУ изучением китайского языка.

ЭС: Как складывались Ваши отношения с китайским языком, и кто Вам его преподавал? Кто преподавал другие дисциплины по Китаю?

ЛВ: Те, кто до меня учился, как тот же Рубин, начинали учить

⁴ *Рубин Виталий Аронович* (1923-1981). Китаевед, к.и.н. (1960). Окончил Истфак МГУ (1951). Преподавал русский язык китайским студентам в Институте с/х (г. Новочеркасск, 1951-1952), референт по литературе о Китае в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (1953-1968). Сотрудник ИВ АН СССР (1969-1972). Профессор Иерусалимского университета (1976-1981). Изучал историю философии древнего Китая

китайский с первого курса. С третьего курса начинать его учить – это, конечно, трудно, но нам пришлось. Дело было нелёгким, времени оставалось немного – за два-три года с этим языком не справиться. Но деваться было некуда. Учили китайский мы с *Меликсетовым*⁵ и рядом других (*Белов*,⁶ *Свистунова*, *Лайнгер*,⁷ *Боровкова*,⁸ *Вайнберг*,⁹ моя жена *Нина Шепелева* и ещё некоторые, всего человек 10-12). С этого всё и началось.

Языку нас учил *А. П. Рогачёв*.¹⁰ Историю страны (Китая) преподавали *Симоновская*,¹¹ *Юрьев*,¹² *Эренбург*,¹³ потом ещё *Никифоров*.¹⁴ Учебников тогда почти не было; те, что были, оставляли желать лучшего. Вообще,

⁵ *Меликсетов Арлен Ваагович* (1930-2006). Китаевед. Окончил истфак МГУ (1956). Д.и.н. (1976). Профессор (1976). Сотрудник Института китаеведения (1956-1960). Преподаватель МГИМО МИД СССР (1960-1989). Директор ИСАА при МГУ (1989-1994). Главред журнала «Китаеведение» (с 2000)

⁶ *Белов Евгений Александрович* (1929-2004). Китаевед, д.и.н. (1994). Окончил истфак МГУ (1953). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1956). Специалист по истории Синьхайской революции 1911-1913 гг. в Китае и русско-китайским отношениям»

⁷ *Лайнгер Светлана Романовна* (1930-1990). Китаевед, к.и.н. (1976). Окончила истфак МГУ (1953). Редактор Хабаровской студии радиовещания на страны Дальнего Востока и США Гостелерадио СССР (1953-1956). Сотрудник института китаеведения / ИВ АН СССР (с 1957). Изучала историю китайского эмиграционного движения сер. XIX – нач. XX вв.

⁸ *Боровкова Людмила Акимовна* (1930–2011, м.р. Смоленская обл.) Окончила истфак МГУ (1953). Д.и.н.(1994). Научный сотрудник Института китаеведения (1957–1961), ИВ АН СССР (1961–2010). Специалист по средневековому Китаю и истории народов Центральной Азии

⁹ *Вайнберг (Захматова) Муза Романовна*. В 1960-1970х – доцент кафедры экономики зарубежных стран экономического факультета МГУ. Автор монографии «Экспансия частного капитала США в Западной Европе» (М., 1966, 187 с.)

¹⁰ *Рогачёв Алексей Петрович* (1900-1981). Китаевед-филолог, дипломат, переводчик. Окончил МИВ. Сотрудник генконсульства СССР в г. Урумчи (1928-1934). Сотрудник отдела информации генконсульства СССР в г. Харбин (1936-1939). Преподаватель в МИВ (с 1939)

¹¹ *Симоновская Лариса Васильевна* (1902–1972, Харбин). Китаевед-историк, Д.и.н.(1967), профессор (1967). Окончила Харьковский университет (1928). Преподаватель ЛВИ, ДВГУ, Харьковского ГУ (1936-1944), исторического факультета (с 1944) и ИВЯ при МГУ (1956-1972), заведовала кафедрой истории Китая. Автор более 40 работ

¹² *Юрьев Михаил Филиппович* (1918-1990). Китаевед, д.и.н. (1967), профессор (1969). Окончил истфак МГУ(1941). Ветеран советско-финской войны (1939-1940) и Великой отечественной войны. Преподаватель истфака МГУ (с 1950), ИСАА при МГУ (1956-1990). Научный сотрудник ИДВ РАН (с 1967)

¹³ *Эренбург Георгий Борисович* (1902-1967). Китаевед, к.и.н. (1945), доцент (1935). Преподаватель УТК им. Сунь Ят-сена (1927-1932), МИВ, МИФЛИ, истфака и ИВЯ при МГУ (1936-1967). Специалист по новой и новейшей истории Китая

¹⁴ *Никифоров Владимир Николаевич* (1920-1990). Китаевед, д.и.н. (1967). Научный сотрудник ИВ РАН (1950-1970, 1984-1990), ИДВ АН СССР (1970-1984). Преподаватель ВПШ и Народного университета в Пекине (1953-1956)

отечественная синология ранее развивалась в Петербурге и Владивостоке, отчасти ещё в немногих местах, и едва ли не менее всего в Москве. После перевода сюда столицы¹⁵ некоторые петербургские специалисты перебрались в Москву, но затем они были либо репрессированы, либо, как *Кара-Мурза*,¹⁶ погибли. Как бы то ни было, но получилось так, что не только молодые китаеведы, но и вообще синология, да и востоковедение в стране нашей в целом начинали заново делать первые шаги в своем серьёзном научном развитии именно в эти годы, в начале 1950х.

Поскольку моя мама была преподавательницей английского, она кое-чему по-английски меня научила, но в университете мы учили немецкий. Так было принято тогда – все учили немецкий. На третьем-четвертом курсах в МГУ тогда вообще иных языков не было принято учить, учишь китайский – и сиди. Да и английский, и немецкий мои были, мягко говоря, тоже не очень хороши. И китайский, и английский – речь о большинстве – до необходимого для элементарного им пользования за годы учёбы у нас – в МГУ! – так и не были доведены. Конечно, пользоваться ими уже можно было, но далеко на этом знании и без практики не уйдёшь. Тем более для того, чтобы написать что-то там самому на английском и отдать кому-то вне СССР в печать... Впрочем, о таком тогда и не думали, в памяти у всех была еще недавняя кампания борьбы с *низкоклонством перед Западом*. Так было в наших 1950х. И для тех, кому потом не выдались длительные командировки в зарубежные научные центры, до сегодняшнего дня, как и мне, свободное владение чужими языками оказывается делом сложным.

Когда я сижу ныне в ВШЭ на каких-нибудь заседаниях и семинарах, и какой-то иностранец выступает, только я и Е. Ясин¹⁷ пользуются наушниками для синхронного перевода. Остальные – кто помоложе –

¹⁵ Столица Советской России была перенесена из Петрограда в Москву в 1918

¹⁶ *Кара-Мурза Георгий Сергеевич* (1906-1945). Китаевед, историк. Участник 2-й мировой войны. Погиб 22 августа 1945 во время освобождения северо-восточного Китая

¹⁷ *Ясин Евгений Григорьевич* (1934 г.р.). Экономист, общественный деятель, научный руководитель Национального исследовательского университета *Высшая школа экономики*. Президент Фонда «Либеральная миссия». Министр экономики РФ (1994-1997)

слушают и понимают, ибо знают английский хорошо. Они либо учились позже, когда их учили уже как следует, либо побывали, где нужно, стажировались. Сидят на таком семинаре человек 30-40, и только вот мы вдвоём и слушаем синхронный перевод. Случались, конечно, в том же прошлом и исключения. Вот В. А. Рубин блестяще говорил на китайском, на немецком и английском. Это, как я полагаю, у него было от породы, от генов. А я ему завидовал именно поэтому, мне только и оставалось, что завидовать. Но зря завидовал! Не сложилась у исключительно способного Рубина жизнь, ни вообще, ни в науке. Почти не успев ничего – две, правда, очень серьёзные опубликованные монографии, ещё статьи и дневники-письма, – и он ушёл из жизни. А был самым многообещающим синологом нашего поколения!

ЭС: Как формировался круг Ваших научных интересов? С чего начиналась Ваша научная или преподавательская деятельность после окончания МГУ?

ЛВ: После окончания истфака некоторых взяли в аспирантуру – частично в МГУ, отчасти в *Институт востоковедения*,¹⁸ который делал в том году (1953 – ровно 60 лет назад) огромный по количеству набор. Это был взрыв; 1953 год – умер вождь, страна начинала жить иначе. Искали, что дальше делать, в каком направлении двигаться и что в первую очередь хотеть. И в ЦК партии, судя по всему, тоже начинали искать. Ну, и Китай к тому времени добился чего-то. Стоял вопрос: нужны специалисты, а их нет, берите в аспирантуру побольше подходящих. Я был определён в аспирантуру ИВ АН. Так мы попадали в науку. Темы для изучения были, понятно, разными. Я стал заниматься китайской древностью. Почему? В 1950-м, когда я выбрал Китай, уже знал про себя, что мне лучше, во избежание сложностей в отношениях с теми же из ЦК, не заниматься современными проблемами. Был в период хрущёвской оттепели опубликован рассказ Ю. Нагибина

¹⁸ *Институт востоковедения РАН* (ИВ РАН). Один из старейших научных институтов в России. Переведен в Москву в 1950. В Ленинграде осталось Ленинградское отделение (ЛО ИВ АН СССР, ныне Институт восточных рукописей РАН). В 1960-1970 назывался Институт народов Азии АН СССР. Официальный сайт: <http://www.ivran.ru>

«Хазарский орнамент». Мало кто его знает, сегодня это уже ушло в прошлое, а у меня на всю жизнь запечатлелось. Что за рассказ? Человек, занимающийся наукой, уходит в такую отрасль, где его никто не тронет; ни с патриотизмом, ни с политикой, ни с большевизмом, ни с чем ещё это не связано. Рассказ я прочёл, он запомнился.

А вскоре в связи с изучением моей проблематики встал вопрос о рабовладении. Напомню, что в то время считалось аксиомой, что древние цивилизованные хоть сколько-нибудь общества должны были быть или во всяком случае считаться рабовладельческими, именно на этом настаивал марксизм. У меня, взявшегося разбираться в очень нелёгкой проблеме аграрных отношений и земледельческой общины, никакого рабовладения не получалось. Назначенная моим руководителем *Стенугина*,¹⁹ пытавшаяся настаивать на том, что Китай был рабовладельческим, меня не убедила. Но мне было интересно, почему всё-таки китайская древность считается рабовладельческой, и где там рабы. Читайте вот *Го Мо-жо*,²⁰ советовала она. Я начал читать. Всем было известно, что Го нашел в китайской древности рабов. Это было нетрудно, их мог бы найти любой. Но их не было в деревне, они были только челядью в богатых домах. Словом, я не Го, и я не увидел в деревне рабов. Там преобладали обычные земледельцы, платившие налог государству (царю или князю, знатному аристократу), и на том держалось общество. А рабов воспринимали как прислугу. В других языках, на английском и немецком, тогда можно было многое об этом прочесть, и я

¹⁹ *Стенугина Татьяна Васильевна* (1923 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1956). Окончила истфак МГУ (1948). Сотрудник Института истории (1951-1952), ИВ АН СССР (с 1953). Специалист по истории древнего Китая

²⁰ *Го Мо-жо* 郭沫若 (1892-1978). Ученый-историк, археолог, писатель, поэт, драматург, общественный и государственный деятель. Член КПК с 1927. В годы Войны сопротивления Японии выступал (1937-1945) за сотрудничество КПК и Гоминьдана. Перевёл на китайский язык ряд трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, часть «Войны и мира» Л.Н. Толстого, «Фауста» И.В. Гете. После создания КНР занимал ряд высоких государственных постов. Первый президент Академии наук КНР (1949-1978). Неоднократно приезжал в СССР

читал. Читал, хоть с трудом, и древнекитайские тексты. Впрочем, читать их и свободно знающему язык было сложно.

Но я уже представлял себе, что в древнекитайской реальности было, писал курсовые работы, дипломную. Вот так и получилось, что я занимался древностью, самым началом истории человечества, что впоследствии сослужило мне добрую службу, ибо помогло всё начинать с самого начала. После 1953 года, когда я стал аспирантом Института востоковедения, моим научным руководителем начал считаться *Л. И. Думан*.²¹ Он мной очень мало интересовался, чему я был несказанно рад. О древнекитайских делах он, видимо, подзабыл, хотя писал когда-то об этом книгу (без навязывания рабовладения), которую я достал уже потом. Это было почти рукописное издание, ксилограф, но в переплете. И в нём было сказано, что Китай был феодальным. Я с большим интересом прочитал, что там было написано. Думан об этом предпочитал не вспоминать, и ему было не очень важно, что я пишу о древности, феодальная она или рабовладельческая. Но ему было неприятно, как я к нему отношусь, так, что вроде бы его будто и нет.

С моей стороны это было естественно, он меня не учил, я об этом не просил. Но всё-таки... Это тоже, между прочим, я за собой числю как один из пороков моего характера. (Есть в нём нечто вздорное, встречал я такое и в разных моих тётках. Иногда замечаю за собой, когда ни с того, ни с сего, неизвестно из-за чего вдруг взвзвюсь. Лишь с возрастом стал сдерживать себя. Будто бы сейчас этого меньше, но бывают случаи, когда я взрываюсь. Это свойство хорошим не назовёшь.) Но так складывались наши отношения. Учителей, в привычном смысле этого слова у меня в науке, – если не считать тех, кто учил языкам – не было.

²¹ *Думан Лазарь Исаевич* (1907-1979, м.р. Петербург). Востоковед, историк и экономист. Д.и.н. (1965). Окончил факультет языкознания и материальной культуры ЛГУ (1930). Преподаватель Ленинградского института живых восточных языков, ЛГУ (1936-1941). В 1941-1952 служил в армии. Научный сотрудник ИВ АН СССР (1935-1940, 1952-1956, 1962-1979), замдиректора Института китаеведения (1956-1961). Автор более 80 научных работ по Китаю и соседним странам в древности и новое время

Первая моя книга вышла в 1961 году – «Аграрные отношения и община в Древнем Китае»,²² когда я уже был совершенно взрослым человеком, много после защиты диссертации, которая произошла в 1958 г. Некоторые сверстники защищались раньше меня, но мне было трудно писать, потому что было трудно читать древние тексты. Много было и современных статей по теме. В Китае выходило несколько журналов по археологии, по древней истории Китая и по философии. Я должен был это читать, и я читал. Начитал всего много, диссертацию с некоторым опозданием написал и защитил, затем снова работал, опубликовал, наконец, монографию по той же теме. А тема была тогда, не поверите, одной из актуальнейших. Рабы или не рабы? Почти как: марксизм или нет?

В китайской науке были свои сложности в то время. Статей по моей тематике, т.е. по аграрному строю и древнекитайской общине, была масса, но те из ученых, кто остался в КНР, даже не могли сослаться на статьи тех, кто ушёл на Тайвань, а те были, бесспорно, лучшими. Ушедшие на Тайвань с их книгами и журналами были практически недоступны, и на них не следовало и невозможно было сослаться. Новым учёным в КНР приходилось начинать заново, да ещё и руководствуясь марксизмом. Представьте себе, какая каша была у них в головах. Начиная с того самого Го Мо-жо, который был великолепным учёным старой закалки, специализировавшимся на китайской классике, но не был ни историком, ни тем более марксистом. Естественно, все они, если выходили за пределы изложения и трактовки общеизвестных материалов, плели обычно бог знает что. Как правило, английского они уже не знали, да и не было принято, повторю, на мировую синологию сослаться. Японцев они вообще почти не считали за людей, тайваньцев – тем более.

У них был принцип: они брали за основу Го, который издавал свои книги одну за другой, и исходили из того элементарного соображения, что раз были рабы, стало быть, это как раз и был рабовладельческий строй. А вот

²² Васильев Л. С. Аграрные отношения и община в Древнем Китае (XI–VII вв. до н. э.). – М., 1961

проблема у них была одна, общая для всех и к тому же высосанная из пальца: когда рабовладение кончилось? Одни хотели его кончить где-то там, как велел Го, в период Чжаньго (5-3 вв. до н.э.), другие – раньше, а третьи – позже. У них не было проблемы разобраться в том, что такое раб, и кто он такой в китайской древности. Они очень слабо представляли себе античное рабство, принцип *instrumentum vocale*. А вот лучшими из их работ по древности были статьи с описанием археологических находок.

Словом, с работами исследовательско-аналитического характера по китайской древности было тогда очень скверно. Но в послевоенное время стало появляться всё больше публикаций западных синологов, которые очень обстоятельно изучали и анализировали как древние письменные тексты, так и археологические материалы, особенно новые находки и открытия. Большой вклад в это дело внес тогда живший вне Китая и писавший на английском Чжан Гуан-чжи,²³ были и другие книги на английском. Это действительно был богатый и очень ценный вклад в науку. Я из него очень многое взял. После защиты кандидатской диссертации, в основном на базе материала, впоследствии вошедшего в первую мою книгу, стал младшим научным сотрудником Института востоковедения.

ЭС: Как изменялись Ваши научные интересы и почему?

ЛВ: В 1968 году А. В. Меликсетов, тогда бывший заведующим кафедрой в МГИМО, пригласил меня преподавать. И после этого я почти всю свою жизнь, до 2011 г., то есть, больше сорока лет, параллельно с научной деятельностью преподавал. Готовил и читал сначала курсы о Китае, потом и о Востоке в целом.

Я обращаю особое внимание на то, что если бы не то самое предложение Меликсетова взять на себя преподавание всей истории Востока, во всяком случае, с древности до современности, да ещё и по всему Востоку, мне,

²³ Чжан Гуан-чжи 張光直 (1931-2001). Археолог и антрополог, доктор антропологии (Гарвардский университет). Окончил факультет археологии и антропологии Тайваньского государственного университета. Преподавал в Йельском и Гарвардском университетах. Вице-президент Академии Синика на Тайване (1994-1996)

возможно, самому не пришло бы это в голову. И не очень понятно, что со мною в смысле моей научно-преподавательской карьеры случилось бы. Возможно, углубился бы в одну лишь китайскую тематику, что я и без того стал параллельно делать, обратившись к проблемам китайской классики, к истории религии, этики и культуры. Фундаментальную в этом смысле книгу «Культы, религии и традиции в Китае»²⁴ я писал спокойно, как и следующие свои шесть очень разных, но близких по тематике толстых томов: три по проблемам генезиса китайской цивилизации, государства и мысли и затем сводно-обобщающую, «Древний Китай: в трех томах».²⁵ Это была серьёзная исследовательская научно-академическая синология.

Всё это я делал сам по себе. И вот в мои исследовательские проекты смело вмешался А. В. Меликсетов: «Ну возьми, читай историю всего Востока, нужен такой сводный курс, – говорил он мне, – Понимаю, это сложно, но возьми, подготовься!» Я обещал попробовать. С этого всё и началось: сначала стал читать студентам историю древнего и средневекового Востока, потом – больше некому было – пошёл читать всю историю Востока. Я не заменял тогда никого. Кафедра Меликсетова тогда считалась кафедрой по истории Востока, но больше всего было в ней места для Китая с разными его и в основном современными проблемами. Что же касается истории других стран Востока, то каждый читал свой спецкурс, но чтобы кто-то взялся читать сводную историю всего Востока, включая древнюю и новую историю и современность, как самую уже новейшую, то таких не было. Я тем самым вроде бы никому не мешал. Не исключено, что ошибался, и вроде как бы все-таки залезал в чужие территории, пусть пока ещё никем не возделанные, но не мои. И потому кое-кто мог считать себя обиженным. Но так получилось, и результаты оправдали надежды заведующего кафедрой.

В общем, я смело пошёл на это. И как оказалось потом уже, нашёл себя в этом. Речь о широком, с использованием любимых социополитических,

²⁴ Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. – М., Наука, 1970

²⁵ Васильев Л. С. Древний Китай: в 3-х томах. – М., 1995, 2000, 2006

экономических, религиозно-культурных проблем изучения Востока в целом, как феномена, и об анализе генеральной динамики его эволюции. Т.е. о таком изложении, которое только и было тогда желательным для специалистов широкого профиля, готовившихся на кафедре МГИМО, занимавшейся Востоком. Все эти проблемы у меня постепенно разрабатывались, не с неба падали. Особенно это коснулось проблем религии. Это, скажу, было не просто. Учебников по истории религий в СССР без явственной презумпции недоброжелательного к ним отношения – за исключением разве что книг Токарева или некоторых переводных капитальных сводов *Фрэзера*²⁶ или *Тэйлора*²⁷ – до моих не было. Да и упомянутые очень серьезные книги других авторов были книгами в основном историко-культурного и этнографического характера. Я же издал в 1976 году свое учебное пособие «Культурно-религиозные традиции Востока» (первоначально оно именовалось «Религиозно-культурные традиции Востока», потом кто-то в институтской типографии, испугавшись, на всякий случай переставил слова) в несколько ином плане. Просто о том, что такое религия на Востоке, безо всякой её критики, тем более недоброжелательства.

А потом на основе этого малотиражного (300 экз.) издания одно за другим пошли новые, ныне их уже с десятков – это чуть не восемь изданий книги «История религий Востока» и недавно (в 2008) изданная «История религий».²⁸ Последний глобальный мой проект, который я с великим трудом, но в довольно короткий срок реализовал, – это шесть томов *Всеобщей истории*.²⁹ Вообще же я много десятков лет, практически всю жизнь

²⁶ *Фрэзер Джеймс Джордж* (1854-1941). Английский религиовед и этнолог. Специалист по фольклористике и истории религии

²⁷ *Тэйлор* (Tylor) *Эдуард Бернетт* (1832-1917), английский этнолог и религиовед, исследователь первобытной культуры. Один из создателей эволюционистской школы в истории культуры и в этнологии. Создатель анимистической теории происхождения религии. Профессор Оксфордского университета

²⁸ Васильев Л. С. История религий: учебное пособие для вузов. – М., 2008

²⁹ Васильев Л. С. Всеобщая история. В 6 тт. – Первые четыре тома: М., Высшая школа, 2007-2010; переиздание, все шесть томов: М., КДУ, 2012-2013

потратил на то, чтобы в деталях разработать и постоянно улучшать мои книги. Это, как правило, труды, имеющие характер глубоких научных исследований, но некоторые из них в то же время, как шесть томов *Всеобщей истории*, могут считаться учебниками или учебными пособиями, предназначенными для частых переизданий и очень широкого использования. То, что я сегодня издаю, что, зайдя в магазин *Библио глобус*, вижу – а вижу свои тома в самом последнем их издании (одни очень хорошо изданные, другие напротив, крайне скверно) – вселяет в меня в этой связи удовлетворение. На том вроде бы и держусь и даже ещё на что-то в будущем надеюсь, ибо работаю.

ЭС: К какой школе Вы себя причисляете? Есть ли у Вас свои ученики? В каких научных сообществах состоите?

ЛВ: Научные сообщества, в которых я бы состоял, на моем пути не попадались. Точнее, они обычно обходились без меня, а я не напрашивался. Вот я теперь слушаю по радио сообщения, что некоторые академики взбунтовались против правительства в связи с реорганизацией Академии наук. Я прочитал, прослушал и ту, и другую сторону. И, между прочим, мне больше нравится то, что говорит министр Ливанов, чем то, что предлагают бунтующие академики. Быть может, потому, что они реально мало что предлагают, не готовы к этому, хотя манера обращения с академией, какой бы она сегодня ни была, и как бы ни выглядела со стороны, неразумна и несправедлива. Так обращаться с очень серьёзной организацией – а она одна из наиболее серьёзных в стране – невозможно.

Я вообще-то не встречаю в спор, хотя мнение своё, когда мне звонят, высказываю. Кстати, мне стали впервые звонить из разных радио и интересоваться моим мнением, когда вышли шесть томов *Всеобщей истории*, это произвело впечатление (*У-у-у! 6 томов!*). До этого я был вовсе неизвестной фигурой. Я теперь чаще отвечаю, если спрашивают; высказываю своё мнение по разным вопросам. А сейчас, в связи с тем, что вопрос об Академии наук стал особенно острым, я бы сказал еще и следующее. Вот

выделились несколько десятков особо протестующих академиков – там все приличные люди, организовали какое-то сообщество. Пожалуйста, я и сам был бы готов вступить в этот клуб, ведь денег за это не платят, директором каким-либо я уже никогда не стану, но временами сидеть рядом с приличными людьми, говорить о чем-то интересном, почему бы и нет? Я со своим количеством опубликованных томов мог бы прийти, выложить их на стол и спросить, хотите ли вы меня принять? Но я этого не сделаю. И не потому, что нет амбиций, хотя их почти нет. Я знаю, как дорого ценится место академика, какая борьба, чаще коварная, нежели пристойная, идет за него. Так у нас давно уже повелось, и вступать в эту борьбу мне нет смысла, с моим-то характером она просто бесполезна. Да у меня и нет стремления с кем-то бороться за сомнительное удовольствие быть избранным или, точнее, неизбранным, а то и вдобавок умереть от какого-то инфаркта, если и когда не выберут.

Вот меня спрашивают, почему Вы не член Учёного совета? Но там отлично обходятся без меня. А я уже несколько лет в ВШЭ ординарный профессор (недавно узнал, что химик Бутлеров, рядом с улицей чьего имени я живу, тоже был ординарным профессором; меня это приятно удивило). Мне прибавили соответственно зарплату, но главное – статус. Меня не могут уволить, а я могу спокойно работать, если могу работать, до тех пор, пока не уйду на тот свет. Мне это очень нравится «Ординарный профессор» – *полный профессор*, Full Professor. Нас несколько десятков в «Вышке». Это, если хотите, та же университетская академия наук в миниатюре. Но, опять же, не клуб учёных, как оно и с большой Академией. А лучше, если бы это был клуб! Впрочем, это никак не означает отрицания необходимости научных экспертиз, деловых заседаний академиков. Но зачем отделять их от прочих, не избранных? А у нас каждое из уважающих себя учреждений, если имеет такую возможность, почему-то только и старается стать как-то похожим на академию. В России немало исторических и китаеведческих центров, но они

не очень-то объявляют о своих заседаниях и, в частности, привычно обходятся без меня. И не только без меня.

Ставится вопрос о научных школах. Вот с этим, насколько я понимаю – сужу об одних гуманитарно-социополитических знаниях и тех же отраслях науки, – дело обстоит туго. Я думал об этом. У меня опять-таки складывается впечатление, что таких школ у нас нет. Бывают выдающиеся учёные, личности, но вот школ, по-моему, нет. Непривычны мы к этому. Вот Меликсетов: учил его Юрьев, и он для Арлена Вааговича – учитель. Ученик всю свою жизнь пронёс трогательное отношение к учителю, но не школа это. Вот был *В. М. Алексеев*: он учил, хотя мало кого было тогда учить. Но и среди его учеников, насколько знаю, каждый был сам по себе. Да, были среди его учеников те, кого уничтожили в 30-40-летнем цветущем возрасте. Мы о них мало знаем, они не успели напечатать свои труды (печатали их работы то Рифтин, то Конрад, кто чего мог). Но я не о том. На мой взгляд, **Академия**, как во времена древнегреческие, должна была бы быть собранием учёных мужей, легко встречающихся и много друг с другом не в закрытом пространстве беседующих. У нас она – нечто иное, замкнуто-привилегированное и закрытое от остальных. Это и есть мой ответ на вопрос о школах в российском китаеведении.

Замкнутое сообщество не становится школой оттого, что оно замкнуто. Это должно быть иначе. Создается коллектив хороших специалистов, возникает клуб учёных очень высокого стандарта, – и хорошо. У нас такого нет и, как мне кажется, ничто к этому не располагает. Будут, не исключено, когда-нибудь и у нас школа и академия. Но если кто-то говорит: *Леонид Сергеевич, я считаю Вас своим учителем*, я воспринимаю это лишь как приятный комплимент, не более того.

Ну, считай, пожалуйста! Но у нас, хоть я и вспомнил о Меликсетове и Юрьеве, редко бывали отношения учитель–ученик, которые бы к этому располагали. У меня вот даже и аспирантов почти не было. И скажу, почему, если вопрос такой встанет. Ну, какой аспирант, сами подумайте, пойдет по

теме *Всеобщая история?* Или *История Востока, Китая, религий?* Зачем ему такая тема? Он найдет того узкого специалиста, кто всю жизнь работал по своей теме, скажем, «православная церковь в XVI веке», и всё знает про этот XVI век. И правильно сделает, потому что у него будет учитель, который его всему научит, подскажет, что сказать, где найти и как написать и защитить диссертацию. Но это не школа, и тем более не академия!

ЭС: Насколько сильным, с Вашей точки зрения, было влияние идеологии на советское и российское китаеведение?

ЛВ: На наше китаеведение всегда влияла идеология, колоссально влияла. ЦК КПСС, который имел отдел науки, бдительно следил за всей исторической наукой, особенно уделял внимание востоковедению. По очень простой причине: никто там толком не знал, что такое Восток: всех, кто когда-то что-то знал, в 1930х годах вырезали. А Восток к тому же сильно изменился после Второй мировой войны, и особенно в 1950-60е годы, когда началась деколонизация. Вроде всё ясно, но, поди, разберись, что это такое! Поэтому отношение к Востоку было мягким в том смысле, что можно было писать практически всё, что угодно, многое что. И я, когда вышел на эту стезю, начал писать, к примеру, про «азиатский способ производства». При вожде (*Сталине*)³⁰ тех, кто писал о нём, сразу уничтожали, потому что тот способ производства очень напоминал общество, каким сделал СССР сам вождь: всевластие власти, безвластие и бессилие поданных – это главное в нём. Только я называю это ныне иначе, **восточной деревней** или *структурой власти-собственности*.

Это и было у нас. Но поскольку я писал не о России, а о Востоке, ко мне никто не придирался – пиши, что хочешь. То есть был, конечно, существовал какой-то предел, далее которого нельзя было позволить себе заходить. Но внутри было много свободного места, чтобы можно было

³⁰ *Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович* (1878-1953). Революционер, коммунист. Государственный лидер в СССР начала 1920 до начала 1950х. Один из вождей ВКП(б) и международного коммунистического движения. Объект культа личности

высказываться, и мне это нравилось. Так и получилось, что когда я вёл самостоятельную научную работу, то чувствовал себя достаточно свободно и писал, о чём хочу и как хочу. В нашем обществе после вождя хазарский орнамент уже никому не был нужен. Мне повезло – это был конец 1950х, 1960-1980е годы, не было в Советском Союзе лучшего периода, чем эти годы. Если ты не лез на рожон (были, конечно, диссиденты, которые всегда знали, на что шли), но просто высказывался, разбирая своё, и не делая до конца всех неприятных выводов, тебе никто не мешал. Так что – с одной стороны, вроде да, с другой стороны – нет. Вот мой ответ на вопрос о влиянии идеологии на научную работу, но уже после вождя.

ЭС: Как Вы оцениваете современное состояние российского китаеведения?

ЛВ: Само российское китаеведение, если оценивать его в целом и, разумеется, после вождя, оцениваю достаточно высоко. Считаю, что много умных пришло в китаеведение, среди них достаточно хороших мастеров, и сейчас они есть. Это не значит, что уровень нашего китаеведения вполне на высоте мирового, боюсь, до него мы еще не дотягиваем. Но когда я был аспирантом, мы вообще были настолько ниже мирового уровня, что и говорить не о чем было. Сейчас наше китаеведение значительно в этом отношении выросло, и я считаю, что из других исторических направлений китаеведение заслуживает внимания. Недавно слышал *Л. М. Млечина*³¹ на радио «Эхо Москвы». Он сказал, что у нас хорошее китаеведение. Не знаю, кого он имел в виду (когда-то мы с ним вместе ездили в Японию, был у нас такой дружеский вояж: он работал в журнале «Новое время», и я писал статьи в тот же журнал, это было лет 20 с лишком тому назад, на рубеже 1980-1990х). Фраза была по поводу того, что с Китаем сегодня происходит.

Что касается Отдела Китая в Институте востоковедения, то я,

³¹ *Млечин Леонид Михайлович* (1957 г.р.). Журналист, международный обозреватель. Корреспондент журнала «Новое время» (1979-1993). Постоянный участник передачи «Особое мнение» на радио «Эхо Москвы»

проработав в нём многие десятилетия, никогда его не игнорировал, хотя последние десятка полтора-два лет состою сотрудником уже другого отдела, связанного с теоретическими проблемами Востока. Понятно, что это как-то ослабило мои контакты, да и отдел особо не испытывал потребности в моём участии, легко без меня обходился. Так уж сложилось. Отдел был всегда весьма серьёзным, несмотря на то, что возглавлялся разными руководителями. Его сотрудники старшего – в основном ушедшего в прошлое – поколения много и плодотворно работали, активно издавались. Скандалов у нас было мало. Те, что всё же случались, гасились так или иначе. Никто из руководителей, ни Вяткин, ни Делюсин, про Бокщанина и говорить нечего, не мешали работать в том смысле, что в дела активно работающих не вмешивались, за созданием коллективных работ – самый неудачный и неуспешный жанр из возможных – обычно не гонялись. Работы этого жанра замещались в случае нужды тематическими сборниками статей. Так что, у меня остались самые хорошие впечатления об Отделе. В *Институт Дальнего Востока*³² никогда меня не приглашали, даже если б я и не древностями занимался. В том отделе, где я сейчас, я был заведующим сектором, поскольку оказалось подходящим и даже требовалось, чтобы в числе таких небольших руководителей был синолог.

ЭС: Когда и как Вы впервые побывали в Китае? Каковы были Ваши самые первые впечатления о Китае? Часто ли Вам приходилось бывать в Китае, и где Вы были в Китае? Ваши воспоминания о пребывании в Китае, о встречах с учёными и видными деятелями Китая?

ЛВ: В 1958 году я ездил первый раз в эту страну. Это был годы переломные, был «Большой скачок». И то, что я тогда увидел, произвело на меня не то чтобы удручающее, но очень сильное впечатление. Я понимал,

³² *Институт Дальнего Востока* (ИДВ РАН). Институт создан на основании постановления Президиума АН СССР в сентябре 1966. Его главной задачей было комплексное изучение проблем Китая, Японии, Корейской Народно-демократической Республики, Республики Корея, отношений СССР с этими государствами. См.: <http://www.ifes-ras.ru/structure>

что это ненормально, но я знал, что не-норма была и у нас в истории, что рано или поздно она как-то преодолевается. Мне было жалко, когда я видел во дворе университета доменную печь, в которой они плавил сталь. Но, тем не менее, мне это было очень интересно, поскольку я имел возможность поехать (я плохо использовал эту возможность, стеснялся слишком много попросить).

Много где не был, не был на юге страны, дальше Нанкина не ездил. Надо было, конечно, в Гуанчжоу и ещё дальше, по берегу океана. Но, тем не менее, я поехал и провел там всего около 4-х месяцев. Самое яркое впечатление у меня осталось от празднования 9-ой годовщины образования КНР в огромном зале главной гостиницы «Пекин». Тогда ещё в Пекине было считанное количество асфальтированных шоссе, но это был большой город. Город еще не современный, в нём было и не так много отелей. И вот, нас пригласили на праздник в этом центральном отеле. Мы сидели, и *Чжоу Энь-лай*³³ подходил к каждому столику, останавливался, беседовал, а уж с теми, кто был иностранным гостем, тем более советским, особенно. Меня это впечатлило, было приятно, свидетельствовало о том, что тебя уважают, к тебе хорошо относятся.

В следующий раз я был в Китае только в 1989-1990м. 30 лет прошло! Судите сами: за 30 лет много воды утекло. Кончилась эра *Мао Цзэ-дуна*,³⁴ его социальные эксперименты. Много сделал *Дэн Сяо-пин*.³⁵ Настолько много,

³³ *Чжоу Энь-лай* 周恩來 (1898-1976). Партийный и государственный лидер Китая. Член КПК (с 1922). С 1928 – член ПБ ЦК КПК. В 1937-1945 представлял КПК при гоминьдановском правительстве в Нанкине и Чунцине. 1949-1954 – премьер Госсовета КНР; 1949-1958 – министр иностранных дел КНР. В 1956-1966 и с 1973 – зам. председателя ЦК КПК. После гибели министра обороны КНР Линь Бяо (1971) Чжоу стал второй после Мао Цзэдуна фигурой в руководстве Китая. Умер в Пекине

³⁴ *Мао Цзэ-дун* 毛澤東 (1883-1976, м.р. Хунань). Один из основателей и лидеров коммунистического движения в Китае. После 1949 фактический руководитель КПК и КНР. Объект «культы личности»

³⁵ *Дэн Сяо-пин* 鄧小平 (1904-1997). Партийный и государственный лидер КНР. Учился во Франции и в СССР (1925-1926). Глава секретариата ЦК КПК (1956-1966). Идеолог и теоретик КПК. Разработал национальную модель «социализма с китайской спецификой». Он определил цели китайских реформ – преодоление бедности, отсталости, развитие

что ему пришлось даже после этого проблему студентов на Тяньаньмэнь решать с помощью танков. Это было ужасно. Многие на Западе громко кричали, осуждая Дэна, я не торопился его осуждать. Понимал, что для Дэна возникла безвыходная ситуация, что называется в игре в шахматы – «цугцванг», когда что ни делай, все хуже. Тогда я провел там несколько месяцев. После того уже был твёрдо уверен, что Китай добьется результатов, что он сильно изменится, что идёт по тому пути, который я всё время стремлюсь разработать во всех своих томах, которые касаются общей истории Востока, или Всемирной истории, или сейчас уже – русской: хочешь жить, стало быть, иди туда! И они уже идут – умные китайцы. Так я говорил на конференции Отдела Китая ИВ РАН, посвящённой 100-летию Синьхайской революции (декабрь 2012 года), и позже написал в «Независимой газете» и в журнале «Вопросы философии» (№9 за 2013 г.) в статьях, где жёстко ставил вопрос, что Китай это – посткоммунизм и предкапитализм.

ЭС: Важный вопрос для каждого китаевода: как сложились Ваши отношения с китайской кухней?

ЛВ: К китайской еде – тоже специальный вопрос – отношусь очень хорошо, при случае с удовольствием её ем. Правда, в нынешних условиях в рестораны не хожу, да и возраст к чревоугодию не располагает. А вот зелёный китайский чай, тем более с жасмином, уважаю, и до сих пор пью дома. И очень люблю!

ЭС: Ваш взгляд на события последних десятилетий в Китае? Ваш взгляд на современное состояние Китая и происходящие там изменения? Ваш взгляд на будущее Китая и китайцев?

ЛВ: Многие не понимают, что происходит там, в современном Китае, даже сами китаеведы. Для многих важно, что там у власти коммунисты. А другие, как и я, говорят: хоть они там и коммунисты, но они – китайцы. Если

производительных сил и обеспечение «среднезажиточного» уровня жизни народа, подъём духовной культуры. Выдвинул концепцию «одна страна – две системы»

завтра они решат, что хватит быть коммунистами, они легко перестанут быть коммунистами, но останутся китайцами. Мао останется нарисованным на деньгах, но зато в реальности на его идеи просто уже совсем не будут обращать внимания, как то в немалой мере происходит уже сегодня. Если они уже сейчас живут на буржуазной основе, на деньгах умелых капиталистов, и богатеют каждый год, не испытывая с 1978 г. и реформ Дэна никаких кризисов, то у них блестящее будущее. Все получается. Смотрю по телевизору время от времени картинки: куда же делись все эти муравьи в синих куртках и штанах? Ничего похожего нет!

И даже когда я был последний раз в Китае (1990), уже тогда было гораздо лучше. Но то, что сейчас – это экономически уже почти как в Японии и в Южной Корее. Вот, так! Я отношусь достаточно хорошо в настоящее время к Китаю и время от времени об этом пишу. В частности, смотрите статью «Предкапитализм и посткоммунизм в современном Китае» (Вопросы философии).³⁶ Что касается Запада, то, думаю, там тоже считают почти так же, ибо серьёзных авторитетов, знающих специалистов по Китаю там много, они быстро растут и обычно хорошо себя проявляют. Не сомневаюсь, что и сегодня так, хотя более обстоятельно с этим в данный момент не знаком. Во многих университетах есть синологи, университетов – тьма. Они что-то делают, в целом у них хорошие школы, как коллективы. Конечно, их разработки у нас используются. Но у них другие темы и проблемы. В «азиатский способ производства» они особенно не влезают (это марксизм, который для них не очень нужен). Правда, сегодняшний Китай обычно интересует всех, и эти проблемы они разрабатывают много и обстоятельно. Но не всегда было так.

Не скажу, что много читаю из того, что все они пишут в последние два десятилетия. Но кое с чем знаком. Скажу о том, что мне интересно. Китай каждые примерно три сотни лет в связи со сменой династии сталкивался с

³⁶ Васильев Л. С. Предкапитализм и посткоммунизм в современном Китае // Вопросы философии. 2013, №9, с.75-84

тем, что в империи наступал кризис и поднималось народное восстание. Чего хотели недовольные? По-марксистски, чему и нас, и современных китайских специалистов старшего поколения всю жизнь учили, эти восставшие выступали против феодализма. Складывалось впечатление, что чуть ли не за «мировую революцию» (обычно не упоминали, что за капитализм, хотя это вроде из той же марксистской концепции формаций только так и вытекало), но ясно было, что всё не так. Так вот, давно уже я писал о том, что они выступали просто против кризиса, потому что жить стало тяжелее, и за возвращение к привычной старой норме, когда жить было лучше. А сегодня уже и сами китайцы пишут примерно то же (мне казалось, что я придумал), т.е. что восставшие выступали только за то, чтоб вернули норму прошлого, когда было хорошо. Верните нам, то, что было, дайте нам назад то, как было до кризиса! И всё!

Динамика такова, в том-то и суть, что после восстания, когда порежут, уничтожат половину населения, когда раздадут новым землепользователям их участки земли, все живут как следует, всё налаживается, начинается развитие, маленькие налоги, и они живут хорошо лет сто. Потом постепенно жизнь ухудшается. Иногда и до трёхсот лет не дотягивали, ибо начиналось бог весть что. Вот тут-то и вспоминают рассказы стариков, дедушек и бабушек, как было раньше хорошо. А сейчас?! И начинается, понятно, новая буча. Это логично. Я на этой логике построил теорию, суть которой в том, что народные восстания ничего не требуют нового, *верните нас к хорошему старому!* Китайцы самостоятельно пришли к тому же выводу (русского они давно уже не знают, меня явно не читали, на английский меня не переводят). Это они и в 1980е говорили, да и я от них это услышал, когда и у нас можно было уже говорить всё, что угодно. Я очень порадовался. Это ведь далеко не марксистская точка зрения. Молодцы китайцы! А ведь когда-то они стояли за марксизм более чем мы, в этом была их специфика, до конца Мао.

Вообще, мало у нас ещё понимают сущность Китая, силу его цивилизации. Было, и не раз, нашествие на Китай варваров севера,

кочевников, монголов или маньчжуров, до них и других. Они, предводители варваров, женились на китайках, аккуратненьких и чистеньких, рожали детей, которых китайки воспитывали. И что от них оставалось? Китай переваривал всех. Регулярно. Потому что он – слишком большая глыба и слишком высокая культура. Но это всё-таки не было вестернизацией, ибо в китайской цивилизации, при всех её достоинствах, сделавших сегодняшний Китай тем, каким он стал, не было до появления в нём англичан ничего от Запада. А всё, что появилось в 1840х, это всё та же вестернизация, более чем активно способствовавшая его модернизации, идейно-институциональной и социополитической, переменам в сфере правовой культуры и предпринимательско-частнособственнической активности, во всей системе экономики. Нечто в том же роде, даже раньше, чем в Китае, начало появляться и у нас.

ЭС: Как в целом соотносились модернизация и вестернизация в истории Китая?

ЛВ: Несколько соображений о глобальных проблемах, начиная с нормативов эволюции. Принцип её – движение, вне движения – энтропия, смерть. Это касается всех, но важно принять во внимание, что движение бывает различным. Иногда оно стремительно, как на современном Западе, иногда, напротив, едва заметно. А то и вовсе незаметное, даже отрицательное. Нынешний Китай, и это хорошо видно, демонстрирует стремительное ускорение своего движения. И в этом нет сомнения. Сомнение в том, сумеет ли стремительно развивающийся Китай, континентальный либо островной (Тайвань, Гонконг, Сингапур, нет ныне уже разницы), достигнуть уровня современной, развивающейся много более энергично и, главное, уже на другом технико-технологическом уровне инноваций Америки. Боюсь, что быстро это сделать ему не удастся, не хватит глубины высокой деловой идейно-институциональной и финансово-экономической культуры, которая накапливается веками, да и то усилиями преимущественно европейских, а не

иных мигрантов, к тому же наиболее энергичных и лёгких на подъём, самых умных и способных, и потому уверенных в себе.

Такие давно уже и постоянно прибывали в Америку и адаптировались там к великой американской традиции, к свободе и демократии, к закону и строгости нравов, к святости умных и гарантирующих всё и всем прав. Я не зря пишу об этом, как не зря написал все шесть томов мировой истории. Эти тома помогли мне понять тенденции и традиции. Они очевидны: если хочешь хорошо жить, двигайся в определенном направлении и учись жить так, как живут наиболее процветающие, причём не за счет нефтедолларов, которые не очень понятно почему посылаются Аллахом, а за счёт ума и труда. Хочешь, не хочешь, но иди именно в этом направлении. В любом другом ты найдешь что-нибудь не вполне такое, не то, что в США. Можешь украсть, можешь купить, можешь обмануть, можешь злобствовать, но всё равно, если захочешь добиться успеха, действуй, как США.

И, что показательно, самый успешный в современном мире – опять-таки не считая обладателей нефтедолларов, – дальневосточный конфуцианский регион, будь то Япония или Китай, отчасти даже некоторые страны юговостоазиатского региона с обилием там китайцев из числа мигрантов-хуацяо (это вам не мусульманские мигранты!). Они идут вперед, учась у США и глядя на них. Если хочешь хорошо жить, не хочешь оставаться на уровне XVIII-XIX века, прими это во внимание. Если не хочешь – оставайся таким, как есть.

Вот КНДР, она не без помощи наших специалистов (имеется в виду как соглашение 1956 г., так и, не исключено, помощь наших ядерщиков-физиков в 1990е годы) добилась многого, получила ракеты, ядерную бомбу. И это опасность, несравнимая с тем, что являет собой ракетно-ядерная мощь Китая. Невольно создается впечатление, что в наши дни только нажим со стороны Китая, не очень довольного таким соседством, может считаться гарантией-противоядием против КНДР, её ракет с ядерными боеголовками. И это при всём том, что сама КНДР в случае чего встретит такой ядерный удар, что от

её руководства мало что останется. Но что делать, пусть пока живут, как они привыкли.

Некоторые и неизвестно почему считают, что модернизация бывает без вестернизации. Объясню, почему не бывает. Что такое модернизация? Прежде всего, новации в сфере институтов. Если есть институты антично-буржуазного характера, они приходят на смену местным добуржуазным и неантичным, традиционно отражающим стандарт восточной *мировой деревни*, застывшей в своей неподвижности, то это и есть вестернизация. Если не приходят, то нечего о ней и рассуждать. Все радикальные сдвиги в сфере системы хозяйства, суть, следствия перемен в системе социополитических и правовых институтов, создающих условия для тех сдвигов. Иначе не бывает. Не бытие определяет сознание, а **разум и мудрые идеи людей с глубокой древности создают институты, которые после этого и в результате этого предоставляют условия для совершенствования бытия.** Попробуйте, ничему не учась и ничего не зная, создать хорошие условия для своей жизни (если только вы не иждивенец богача) — ничего у вас не получится. Потому ученье и знание так дорого стоят и так нелегко даются.

Можно, конечно, что-то украсть из достигнутых современной наукой сведений и достижений. Но если даже ты украл, купил, заимствовал что-то, сделанное на передовом Западе – всё равно это, будь то наручные часы, мобильник, застёжка- молния (у каждого человека 5-6 молний, может быть, и несколько десятков в гардеробе) – это всё Запад. Всё, что едет, вся мировая электроника – это Запад, результат его разума, знаний, идей и институтов. Это и есть **вестернизация**. Потому и говорю, что сколько-нибудь заметная модернизация есть результат вестернизации, и не только в том смысле, что украли-купили-продали, но прежде всего в том, что сначала нужно создать условия, чтобы люди были заинтересованы в том, чтобы что-то придумать-сделать-продать.

Китайцы кое-что сделали в истории, они, например, хорошие корабли построили, но потом они же эти корабли поставили на прикол, потому что от

них казне ничего, кроме убытков, не было. Корабль что-то должен был бы делать, чтобы он окупал себя. Но немыслимо, чтобы император послал от своего имени корабль торговать. Поэтому мировой рынок возник лишь тогда, когда пошли плавать по океанам утлые суденышки, сначала португальские, затем испанские, голландские, английские. Только этот предбуржуазно-буржуазный частный собственник, воспитанный на условиях, созданных ещё в античном мире, смог создать и достичь многого – и это плоды всё той же вестернизации. Потом весь мир, достигавший успеха, начал жить на этом самом, на торговле, на производстве, на создании и активном применении полезных новаций. То, что я называю вестернизацией, это как раз и есть буржуазное частнопредпринимательское и частнособственническое начало.

Разумеется, это не всегда выглядело красиво. Было много такого, что связано с обидой, с несчастьями бедных и обездоленных. Я об этом немало сказал в шести томах *Всеобщей истории*, особенно в её последних томах. Конечно, это проблема. Ведь как раз эта часть населения планеты растёт ныне наиболее энергично. И происходит это потому, что Запад проливает на них свой благодатный дождь, хотя они этого не понимают, ещё не доросли до понимания того, что само увеличение их численности есть результат резкого возрастания коэффициента выживания. А такое бывает лишь тогда, когда жизнь становится легче и создаются более благоприятные для неё условия. Исторически сложилось так, что колонизованные страны и народы считают себя какими-то обиженными. Они часто и ныне думают, что их грабили, не давали им того, что они тоже хотели бы иметь, и требуют ещё и ещё.

Но на самом деле всё обстоит прямо наоборот. Людей на планете становится необычайно много, и это прежде всего вчерашние отсталые и нынешние обиженные, переполняющие привычные зоны их обитания и не умеющие добиться там процветания по западному стандарту. Но не потому, что их отсталое бытие определяет несовершенство их сознания и умения. А потому, что разум-сознание-умение-идеи-институты у них не развиты и не создали условий для улучшения их бытия. И это особенно заметно при

сравнении бедного и отсталого большинства населения планеты с процветающими странами Запада, где доминируют **разум-идеи-институты**, создавшие условия, необходимые для приличного и улучшающегося бытия, о котором речь. А вот **отсутствие движения разума-идей-институтов** ведёт к отсталости сознания и накоплению нежелательных итогов, к безудержному росту числа всех бедных и отсталых на планете.

Впрочем, и здесь всё намного сложнее, чем может показаться. Быстро и всё быстрее развивающееся передовое вестернизованное человечество, втягивающее в свою орбиту остальной мир бурно с его подачи растущего меньшинства бедных и отсталых, вступает в конфликт с Природой. Она, не живая, но и не вовсе безжизненная, активно на всё это реагирует, имея для того свои, очень даже ощутимые людьми возможности. И это безудержное расхождение между потребностями нынешнего неудержимо растущего человечества, игнорирующего открытый Ч. Дарвином закон **естественного отбора в борьбе за существование**, и возможностями приемлемого баланса существования живого на планете, за чем следит и на что реагирует Природа, чревато непредсказуемыми в скором будущем катаклизмами.

Как смотрят на всё это в Китае? В ходе своей последней поездки в Китай я часто встречался со своими китайскими коллегами, их жизненный уровень был вполне приличным, если говорить о профессуре. Когда я вел беседы, они обычно ограничивались общими проблемами Китая и теми успехами, которые тогда уже были заметны и прежде всего интересовали всех. Редко заходил разговор и, тем более, спор о других чисто научных проблемах. Так сложилось, не было ни времени, ни условий, ни обстоятельств, да и мало кто представлял себе, как дело пойдет дальше и насколько нужны марксистские догмы, которые определяли предельный примитив теоретического анализа в исторических науках страны. Но, тем не менее, те профессора, которые действительно были профессорами, у которых есть какие-то заметные труды и кто – весьма пристойные люди, сейчас сильно изменились. Это явно не те профессора, с которыми я общался, с кем

я встречался в 1950х, которые не признавали английский язык. Нынешние – совершенно другие. Возможно, это относится не только к проблемам, касающимся взаимосвязей населения планеты и её загрязнения, на что Природа активно реагирует. Быть может, недалёк тот час, когда они станут иначе реагировать и на некоторые другие хорошо известные события в сравнительно недавнем прошлом.

На конференции в связи с годовщиной события, обычно именуемого Синьхайской революцией, я в прошлом (2012) году высказывал новую идею. Суть ее в том, что событие, именуемое революцией, было важно лишь оттого и явилось следствием тех кардинальной важности перемен, которые оказались привнесены в Китай в 40х гг. XIX в., когда в огромной империи началась энергичная буржуазная вестернизация. По сути своей *Синьхай*³⁷ – продолжение и интенсификация движения в сторону в ту же сторону. А как ещё это нужно называть? Только так! И было бы очень хорошо, если бы сами китайцы это как следует осознали.

ЭС: Ваш опыт общения и сотрудничества с китайцами? Принимаете ли Вы участие в развитии современных российско-китайских связей?

ЛВ: Несколько слов о сотрудничестве с китайскими коллегами. Не знаю, как у прочих, но у меня оно в большинстве случаев весьма ограничено. Что касается общественных организаций типа «Общества дружбы», то я в них участия не принимал. Так, иногда, когда приглашали (раз-полтора было), всегда обязательно приходил на вечера в посольстве КНР по случаю важных китайских праздников.

ЭС: Удастся ли Вам регулярно следить за событиями в Китае? Каким образом Вы это делаете?

ЛВ: Должен сказать, что, несмотря на некоторое изменение сферы моих интересов в исторической науке, за событиями в Китае, конечно, я

³⁷ *Синьхайская революция* 辛亥革命 Началась 10.10.1911. Привела к свержению монархии в Китае и созданию 1 января 1912 Китайской республики

всегда следил и слежу, но не очень тщательно. Сначала я узнаю из радиопередач станции «Эхо Москвы», которые я внимательно прослушиваю, из газетных страниц и интернетовских сайтов кое-что самое существенное. Затем, если события выходят за пределы нормального и происходит нечто значительное, начинаю расширять круг информационных источников. В итоге, всё сразу становится на место. О современном Китае самое необходимое знаю, но вот за публикациями по проблемам истории следить не успеваю. Что касается будущего Китая, то я твёрдо считаю, что они идут туда, где это будущее станет для них наилучшим. Если для этого им понадобится перестать быть коммунистами, то они, на мой взгляд, легко перестанут ими быть. Но пока, поскольку у них, что называется, не каплет, и чем лучше организация, чем она жестче и успешней (как показывает наш опыт), тем всё основательнее, они не будут торопиться.

ЭС: В чём Вы видите сходство судеб Китая и России? Что разделяет и что сближает Китай и Россию?

ЛВ: После крушения Орды Иван III (1462-1505) должен был повернуться лицом к Западу, больше неоткуда было ему получить служивых воинов-дворян (свои архаично-невежественные общинники для этого не годились), не говоря уже об огнестрельном оружии. То же делали Грозный и Годунов. Иностранным влиянием были насыщены годы Смуты, его принёс с собой из Польши не вполне ещё тогда легитимный, сотрудничавший с поляками патриарх Филарет, начавший по возвращении из польского плена управлять Русью-Россией после избрания царём его совершенно неподготовленного для того сына Михаила. Потом другие Романовы делали то же самое. Алексей Михайлович брал для судебника 1649 года за основу литовский статут, потому что мы оставались далеко позади литовцев, оставались ещё почти на уровне ордынского улуса, каким были свыше двух столетий. Его дети, Фёдор, Софья и Петр, шли ещё дальше.

Это тоже была вестернизация, но, в отличие от большинства других, в Европе и вне её, включая Китай, исходившая не от колонизаторов-

иностранцев (Российская империя сама была колонизатором, но никак не колонией), а привлекавшаяся самой властью, и потому **безбуржуазная**. Мало того, ограниченная отечественным метисным городом, но решительно и даже категорически не принятая общинной деревней коренных (80-90% населения, крепостного и черносошного), империя де-факто раскалывалась на части. Дух новаций, создававший условия для ведения хозяйства по новому предбуржуазному стандарту и тем активно способствовавший улучшению бытия городских (но только не деревни!), да и то не всех, шел с Запада, хотя энергично гасился самодержавными традициями, отчего и не было долго никакой буржуазии.

А влияние Запада проявлялось либо в заимствовании всего того, что было необходимо для войн, начиная с дворян с пищалями и кончая глобальными преобразованиями Петра I, либо, и тоже не без кнута со стороны Петра, в стремлении учиться, получать западное образование (больше учиться негде было и не у кого) и развивать в империи высокую западную же по основе, хотя и с привлечением отечественного начала – культуру, которая в XVIII и тем более в великолепном российском XIX веке достигла мировых высот.

О России в этом плане можно рассуждать долго и очень серьезно, принимая во внимание и роль отечественной интеллигенции (тоже порождение вестернизации), и реалии пореформенной России. Но это особый разговор, к которому я намерен перейти в специальной работе. Пока же переведу этот разговор в плоскость сравнения.

Между Россией и Китаем, естественно, есть нечто общее. Это то, что и той, и другой стране очень показана хорошая дисциплина, что именно принуждение крепит эту дисциплину, коли она уже как-то выработана и лежит в основе матричной традиции. Но это, пожалуй, и почти всё, что нас объединяет (если не говорить о марксизме, который, к слову, в обеих этих империях тоже весьма неодинаков). В общем, неизмеримо больше того, что фиксирует разницу между нами. Она мало того, что очень значительна, она

принципиальна. Есть одна особенность нашей истории: она постоянно складывалась так, что в результате часто получалось не то, что надо бы. А вот с Китаем обычно все происходило наоборот. И не потому, что у нас очень уж не привыкло к дисциплине население, а потому, что у нас много безалаберного, да и руководство под стать этому. Либо оно просто ничего не делало, либо не умело и не хотело делать то, что надо. Делали же дело, как правило, чужие, пришлые.

То варяги с их хорошо организованной транзитной торговлей, в которую были почти силой втянуты местные. После привоза варягами товаров в Царьград этих местных там, в конечном счёте, самих продавали в рабство, о чем мельком, но чётко упоминается в текстах. Варяги, которые пришли с севера в Киев, чтобы легче организовывать торговлю по Днепру с греками и использовали местных как рабочую и рабскую силу (работали на волоке, гребли на ладьях). А использовав, продавали : не везти же их обратно!? И накладно, да и незачем, на следующий год проще набрать в качестве чёрной силы новых.

Князья из Рюриковичей вели междоусобные войны за власть, и эти войны по меньшей мере косвенно отражались на перемещавшихся с места на место общинниках. А параллельно к этому еще добавлялись постоянно тревожившие наших лихие кочевники, вроде половцев (вспомните *Слово о полку Игореве*). И, наконец, татары, превратившие основную часть Руси в улус Орды. В заключение, наконец, дворяне. Своих служивых, напомним, неоткуда было брать. Не было их в лесной глуши с полубродячими нашими общинниками. Трудна была их жизнь с примитивной подсечно-огневой системой земледелия, вынуждавшей раз в несколько лет менять поле и местожительство и тем рвать неустоявшиеся родовые и семейно-клановые связи. Оттого наши и оказались лишены сплочённой солидарности, соединяла всех их разве община с мощной матрицей, нёсшей в себе накопленные многими веками элементарно несложные нормы, заряженные преимущественно отрицательным отношением ко всем чужим и к любым

новациям, появлявшимся извне и, как правило, ничего хорошего не суливших.

Главным среди них было именно это непреодолимое нежелание общаться со всеми чужими и воспринимать новации. И варяги, и соперничавшие князья, и половцы, и татары, и дворяне, продолжавшие притекать с Запада в Россию и при Петре с его преобразованиями, и весь XVIII век, и позже, в – всё это воспринималось общинными *мирами* как чуждое им. И для такого восприятия были основания. Вспомните, как был разорван на части князь Игорь, пришедший к древлянам собирать дань-полюдье вторично. А на самом деле всё было ещё сложнее. Варяги пришли издалека, с севера, с немногими из тамошних славян, а осели в районе Киева, где они появились здесь вторично (вначале там был Аскольд с дружиной) во главе с Олегом в конце IX в. Своих женщин, заметьте, у них не было (викинги по всей Европе ездили и разбойничали, либо торговали без женщин, которым в их ладьях не было места). Понятно, что на первых порах, в первом поколении, жён они брали из местных. Много из девиц оставалось безмужних, если вспомнить о тех рабах в Царьграде.

Так что они, варяжские князья и бояре с дружиной, не были вовсе уж чужими, да и говорить начали по-русски (термины *рус*, *росс* они принесли с собой). Но разница осталась. Между городскими торгово-воинскими обрусевшими укрепленными городскими центрами, позже очень заметно разросшимися за счёт притока дворян из того же Запада, и обычно мелкими лесными бродячими общинными недолговременными поселками (*починки*) огромного территориально расширявшегося и численно разраставшегося большинства коренных местных она была огромной. Община наша была отсталой, архаичной до примитива. А в условиях убогого бытия в лесной глуши с бездорожьём, не говоря уже о матрице с её воспитанной матрицей генеральной идеологемой *недоверия-недоброжелательства-ненависти* к чужим и любым новациям с их непредсказуемыми угрозами норме, она и не могла сильно меняться.

Отсутствие социально-родственной солидарности – какая уж тут солидарность, когда не все сразу снимались с места, первыми уходили молодые и сильные, они создавали где-нибудь в нескольких десятках верст новый *починок*, там ненадолго оседали, легко принимая таких же, как сами, неприкаянных. Но никогда не воспринимали чужих, приходивших чаще с насилием. Они, коренные русские, в отличие от городских метисных, были своей особой общностью, огромной, но крайне рассредоточенной. Потому и оставались неприкаянно-архаичными, косно-инертными и крайне убогими и отсталыми, что весьма отличало общины-*миры* коренных от укрепленных городов с их воеводами. И чем дальше, тем этот очевидный этно-социальный раскол между русскими – а метисные горожане на Руси тоже были русскими, достаточно упомянуть имя Пушкина, – становился глубже. Но недоверие и недоброжелательство *миров* ко всем чужим и приносимым ими новациям, от которых, по их представлениям, шло зло, становились сильнее, превращались в генеральную норму поведения, хранимую матрицей. Вот и получалось, что солидарны все они были предельно мало, родственные чувства у них, соответственно, оказывались не сильны (детей не слишком берегут, стариков не особо почитают).

Словом, многое у наших коренных было непривычным. Отношение к моральной норме, к чужим-пришлым (не таким, как мы), к заимствованию полезного у других, – всё необычно. Это вам не северокавказские поселения в узких долинах, где живут веками, стариков почитают, детей не бросают, гостей щедро привечают и т.п. В общем – мы совершенно другие. Не только не Кавказ, но и не Китай. Конечно, о чем упоминалось, можно найти между Китаем и Россией, если присмотреться, чуть заметное сходство. Но главное – наши различия, причём принципиальные и важные и, как правило, не в пользу России и русских. В Китае отношение к человеку, знающему иероглифы, даже к любому клочку бумаги, на котором что-то кем-то было написано, всегда оказывалось предельно уважительным. Конфуций был у них. А у нас Конфуция не было.

Задолго до Конфуция у них, к слову, уже был культ предков, подобного которому у нас никогда не было. Ни в одном тексте вы не найдете и намёка на это. На уважении к старшим построена вся многотысячелетняя историческая китайская общность. Идея, идущая из канона *Шу цзин*,³⁸ что Небо награждает хорошего правителя за его добродетель, очень велика по ёмкости и значимости. У нас ничего подобного не было. Прочтите *Письма из деревни* профессора А. Н. Энгельгардта (пореформенная Россия, конец XIX в.). Он отнюдь не желал оболгать крестьян. Однако описывал всё нелицеприятно. Но поверьте, страшно и обидно читать такое.

Разница между нами ещё и в том, что китайцы не религиозны. Да, Китай страна конфуцианская. Но буддизм (чтение сутр по покойникам), даосизм, включавший многое остальное из религиозных нормативов, восполняли то, что необходимо людям с точки зрения их вроде бы религиозной потребности. Обязательно в китайском доме есть божки, есть алтарь, и это кроме тех же конфуцианских дощечек с именами предков и поклонением им. Дощечки – святое. А вот божки – нечто предельно прагматичное. Если чего-то божок не дал (дождя, к примеру, долго не было), его можно за неуважение к потребителям небесных даров разбить, выкинуть и купить нового, такого же. Мистического поклонения нет, нет единого Бога. Каждый из божков отвечает за своё, его подкармливают, приносят жертвы – и он должен исполнять свои обязательства. У нас тоже примитив заимствованного православия сочетается с языческими верованиями и обрядами. Но всё не так, всё на другом уровне и, что важно, без великой этической основы преклонявшегося перед добродетелями, добродетельного по натуре своей конфуцианства.

³⁸ *Шу цзин* 書經 (Книга преданий/документов), также именуется *Шан шу*. Эпическое сочинение, излагающее легенды об образовании китайского народа и его древней истории. Один из классических канонов *Пятикнижия*, редактирование которого приписывают Конфуцию. Исторически охватывает период примерно с XXIV по VIII вв. до н.э. Содержит 58 глав, 33 признаны аутентичными документами VI в до н.э.

Китай и Индия, два великих восточных колосса с очень развитой цивилизацией, веками и тысячелетиями обходились без христианства. Каждый индеец, каждый китаец знает свою культуру (естественно, на доступном для каждого уровне), и это создает некий духовный фон, который делает не особенно нужным нечто, подобное христианству. Ведь и динамичная молодая крайне нетерпимая религия, ислам, тоже не нашла почвы для укоренения в Китае. Да и в Индии лишь частично, и только потому, что вся страна долго была под властью мусульман-Моголов. Русь-Россия рядом с ними проигрывает. Велика, но слабо цивилизована. Близка к Востоку и особенно к Китаю, ещё ближе к Западу, но это не равно стремлению заимствовать. Точнее, очень активно и, к своему счастью, заимствовал всё лучшее западное город. Но отторгала все заимствования осевшая и перешедшая к трехпольной системе земледелия с XVI-XVII вв. отечественная общинная деревня. Всё у нас, как выясняется, не так.

ЭС: Может ли всестороннее стратегическое партнёрство между Россией и Китаем обернуться стратегическим соперничеством?

ЛВ: Может ли быть не только стратегическое партнёрство, но стратегическое соперничество? Всё возможно. Но, скорее, может случиться поглощение – колонизация восточной части нашей страны примерно так, как сегодня идёт поглощение китайцами Африки.

ЭС: Как и где обычно публикуются Ваши исследования? Ваше участие в различных научных мероприятиях (выступления с докладами, присутствие, участие и т. д.)?

ЛВ: На вопрос о моих возможностях в науке замечу, что они достаточно благоприятны. Публикуюсь в разных издательствах, кое о чём и в газетах пишу. Весьма часто выступаю на разных конференциях. За границу, правда, со своими идеями обычно не езжу.

ЭС: каковы основные источники финансирования Вашей профессиональной деятельности?

ЛВ: Источником финансирования моей научной деятельности всегда была зарплата по месту работы, преподавания, много реже – гранты.

ЭС: В чём Вы видите свои главные научные достижения? Какую научную тему Вы считаете главной для себя лично?

ЛВ: Самым большим достижениями в науке считаю выработку глобальной концепции закономерности эволюции человечества, которая отражена в шеститомнике «Всеобщая история». Полагаю, что это вполне приемлемая альтернатива марксистской концепции формации. В основе концепции – идея о поступательном движении вперёд, как по главной столбовой дороге (это прерогатива антично-буржуазного мирового города), так и по прочим путям, которые с этой дорогой пересекаются в разных местах, что ведёт к благотворному заимствованию полезных новаций (вестернизация). Те страны и общности, которые, будучи привержены восточной структуре *власти-собственности* (мировая деревня), шли медленно и/или заходили в тупик. Либо они вообще исчезали со временем, либо вынуждены бывали, отступив, возвращаться к путям, пересекающимся со столбовой дорогой, ведущей вперёд. Проблема того, что такое *вперёд*, и где будущее этого *вперёд*, заслуживает особого внимания.

Отнюдь не будучи оптимистом, считаю, что человечество, вступая в явный конфликт с Природой, не понимает, к чему ускоряющимся темпом оно движется. Дорога скоро просто кончится, ибо планета не безгранична. И это более чем прискорбно, хотя альтернативы не вижу. Проблема, которую затрагиваю, жизненно важна и драматически серьёзна. Восходит всё к массовым перемещениям людей и к безудержному перенаселению нашей планеты, которая этого просто не вынесет. Все сводится, вполне понятно, к проблемам демографии. В отличие от того, чем обычно, даже просто не подумав, руководствуются составляющие свои привычные и ни на чём не основанные формулы псевдодемографы, я исхожу из того, что проблемы воспроизводства решаются не формулами, а примитивным и важнейшим для всего живого инстинктом. Безудержно возрастающее при благоприятных для

того условиях огромное количество отсталых, бедных, невежественных и обездоленных, что давно уже стало неопровержимым фактом, – результат работы инстинкта, а не разума и обдуманного расчёта. И нет оснований считать, что ситуация изменится. За XX в. население учетверилось, а последний седьмой миллиард населения планеты появился за какие-нибудь 12-13 лет, с 1999 по 2012 год! Ждите следующего и внимательно считайте!

А ведь всех их надо кормить! Кто будет в состоянии в скором будущем – всего-навсего в конце века, когда население снова если и не учетверится, то сильно возрастет, содержать людей на приемлемом для века уровне и даже элементарно прокормить? Об этой проблеме, о которой пока заботится Природа, посылающая человечеству свои сигналы, скоро всем придется задуматься. Передовой Запад способен на многое, но далеко не на всё. Скоро бедных и обездоленных станет намного больше того, с содержанием кого и чего можно будет ему кое-как справляться. И что тогда?

Вернёмся в заключение снова к моим оценкам проблем истории и, в частности, китаеведения. Сумма моих основных исследований – трёхтомная история древнего Китая, двухтомник по истории Востока, шеститомник по всеобщей истории. Тома по истории религии и те тома по истории России, над которыми я сейчас работаю, вполне гармонично друг с другом взаимодействуют. В сумме они создают нечто комплексное и, на мой взгляд, многое в истории человечества объясняющее. Естественно, что из сказанного вытекает, что для постороннего наблюдателя я выступаю не столько в качестве китаеведа, сколько в роли историка весьма широкого профиля. В душе, однако, я всё ещё во многом остаюсь именно китаеведом, что и неудивительно, так как многое в жизни своей ему отдал.

ЭС: Ваш взгляд на российское китаеведение в целом? В чём отличие российского китаеведения от китаеведения Запада, Японии?

ЛВ: Я, о чём уже шла речь, к сожалению, не могу считать себя достаточно знакомым с бурно развивающейся ныне синологией в основных странах, имеющих с ней дела – китайской, японской, американской или

тайваньской, да и европейской. Поэтому трудно судить на таком фоне и об особенностях российского китаеведения. Однако есть некая общая особенность отечественной историографии, которая, тем не менее, бросается в глаза: мы в общем не отрешились от многих прежних стереотипов советских времен, да и вряд ли быстро отрешимся. Китайцы быстрее расстаются с ними. Вспомните, что я уже говорил о крестьянских восстаниях и бунтах – *верните нам прошлое, когда было хорошо!* А у нас до сих пор сомнительные предводители восставших и бунтующих (Болотников, Разин, Пугачёв, бомбисты и прочие *пламенные*) – привычно воспринимаются как чуть ли не вполне достойные деятели, а то и руководители *антифеодалных* движений и крестьянских восстаний. Из ныне активно работающих в России китаистов, если выбрать и отметить особо, я выделил бы А. И. Кобзева.³⁹

ЭС: Как складывалась ваша китаеведческая карьера? В каких институтах и учреждениях Вам приходилось работать?

ЛВ: Большую часть жизни (около 60 лет) работал как специалист по Востоку, китаевед и востоковед. Работал в основном в Институте востоковедения: аспирант, научный сотрудник, завсектором. Кроме того, был профессором МГИМО, ИСАА, а сейчас работаю еще и в ВШЭ, где десяток лет был заведующим кафедрой истории, а сегодня – заведующий лабораторией исторических исследований. Других должностей у меня нет и не было.

ЭС: Какие основные темы составляют сферу Ваших интересов?

ЛВ: Сфера моих интересов с 1951 года – древняя история Китая. Изучал ее достаточно основательно лет десять-пятнадцать, защитил кандидатскую диссертацию *Аграрные отношения и община в древнем Китае*

³⁹ Кобзев Артём Игоревич (1953 г.р., Москва). Китаевед, д.филос.н. (1989), профессор (1999). Окончил философский факультет МГУ(1975). Историк китайской философии. Научный сотрудник ИВ РАН (с 1978). Завотделом Китая ИВ РАН (с 2011). Лауреат Государственной премии РФ (2010) за выдающиеся достижения в развитии отечественного и мирового китаеведения и подготовку фундаментальной академической энциклопедии *Духовная культура Китая*. Научный редактор сайта synologia.ru

(1958). Потом перешел к изучению других периодов и проблем очень богатой событиями и особенностями китайской истории и культуры, переключился на изучение этико-философской мысли и всей религиозной культуры Китая. В 1961 г. была издана монография по теме кандидатской диссертации, в 1970-м – объёмная и капитальная по теме и количеству собранных материалов сводно-обобщающая и широкая по количеству использованных источников и проработанной литературы на разных языках монография *Культы, религии, традиции в Китае*. Она была переведена в Польше в 1974 г., в Венгрии в 1977 г., в Югославии в 1988 г. (переиздана на русском, М., 2001).

Тогда эта книга была единственной в своём роде (теперь их много, но тогда была первая) – по китайским религиям. При советской власти, когда религия не признавалась за серьёзную тему, и требовалось писать лишь про критику религии или про атеизм, появление этой книги вызвало немалый интерес. Многие из синологов, питавших интерес к китайской культуре, и ещё большее молодых, заново входивших в энергично растущую команду отечественных специалистов по Китаю, знакомились с этой работой и, как полагаю, немало из неё черпало. Параллельно в то время я по приглашению А.В. Меликсетова (о чём я уже говорил) стал преподавателем на его кафедре в МГИМО. Переход к новым много более серьёзным и обширным учебным курсам, хотя он и потребовал нескольких лет очень интенсивной подготовительной работы, произошёл достаточно гармонично. Было издано в МГИМО несколько моих учебных публикаций по этим темам, которые тогда использовались в качестве учебных пособий.

Это – *Культурно-религиозные традиции Востока*, – М., МГИМО, 1976; *История религий Востока*. – М., 1983, 368 с. Переиздания 1988 г. (416 с.), 1998 г. (426 с.) и др.; 7-е и 8-е заметно расширенные (704 стр.) вышли из печати в 2004 г. и 2006 г. Это, далее, *Курс лекций по древнему Востоку (Средний и Дальний Восток)*. – М.: МГИМО, 1984, 104 с. Продолжение его – *Ближний Восток*. – М.: МГИМО, 1985, 102 с. Затем ещё *Курс лекций по*

средневековому Востоку. – М., МГИМО, 1987, 182 с. Продолжая работать научным сотрудником Института востоковедения, разрабатывал всё те же исследовательские проблемы, имеющие отношение к истории и истории культуры Китая, и готовил докторскую диссертацию. В 1970-80х гг. было опубликовано несколько монографий по проблемам ранней китайской истории. Это – *Проблемы генезиса китайской цивилизации*. – М., 1976, 368 с. (перевод в КНР в 1989 г.); *Проблемы генезиса китайского государства*. – М., 1983, 326 с.; *Проблемы генезиса китайской мысли* – М., 1989, 309 с.

Кое о чём из этого уже шла речь, приходится повторять. Продолжая работать в МГИМО и вместе с Меликсетовым оказавшись в ИСАА при МГУ, где тоже приходилось работать с будущими востоковедами, я, наращивая объем знаний по соответствующим темам, предлагавшимся в виде учебных курсов лекций, и прорабатывая их на семинарских занятиях, опубликовал новые и более обстоятельно сделанные учебники. Это *История Востока* в 2 тт., М., 1993, т. 1 – 495 с., т. 2. - 495 с. (переиздания 1998, 2001, 2003, 2005 и 2008 гг.; в издании 2003 г. т. I – 512 с., т. II – 568 с.; в изд. 2005 и 2008 гг. т. I – 512 с., т. II – 575 с.). В изд. 2011 г. – 722 и 788 с. с роскошным супером (суперобложкой). Они, регулярно дорабатывавшиеся, оказались очень удачными и продолжают, естественно в виде переизданий с обязательным учётом новых данных и современных событий, выходить до сегодняшнего дня. Вот недавно, уже осенью 2013г., был в магазине и увидел, что, будучи помечены 2013 и даже 2014 (что меня очень удивило) годами издания выставлены оба тома *Истории Востока*, новое переиздание. Издал я недавно в вариантах (два издательства) *Историю религий*. – М., 2008, 791 с. Работа моя в Институте востоковедения на рубеже XX-XXI вв. нашла отражение в капитальном исследовании *Древний Китай* в трех тт. (М., 1995, 2000 и 2006). Я принял участие и в написании для ИСАА учебника *История Китая*. – М. 1998 (этот учебник написан четырьмя авторами; мои первые четыре главы; 3-е его издание 2004 г.; 4-е – 2007. Далее не знаю). Тогда же была издана брошюра *Современный Восток идет в наступление*. – М., 2004, 59 с. Когда

вместо МГИМО и ИСАА я начал работать в ВШЭ (Высшая школа экономики, с 2003), то в силу необходимости, будучи заведующим кафедрой всеобщей истории, занялся проблемами всеобщей истории, и это дало свои результаты. Будучи теперь там уже не только и даже не столько руководителем кафедры и читающим учебные курсы профессором, так уж получилось, стал автором принципиально новой и уникальной по замыслу и реализации (обычно такие сводки пишут коллективы) *Всеобщей истории*. В первом её издании, снова скажу, издательство *Высшая школа* выпустило один за другим четыре объёмных тома в хорошем переплёте, в красочном издании и трёхтысячным тиражом (М., 2007, 2008, 2010), после чего издательство попало в другие руки и перестроилось на выпуск иной учебной литературы. Второе и полное, частично (первые четыре тома) переработанное и дополненное издание на сей раз всех 6 томов оказалось полиграфически крайне неудачным. Это неудобочитаемые пухлые тома в бумажных переплетах, тиражом 500 экз., вышли в свет в весьма ценимом мной издательстве КДУ на рубеже 2012-2013 гг. Надеюсь на более удачное их переиздание. В те же годы были изданы мои монографические исследования *Эволюция общества*. – М., 2011, 205 с., а также *Модернизация как исторический феномен* – М.: Либеральная миссия, 2011, 185 с. и *Законы эволюции и проблемы человечества* – М.: ВШЭ, 2011, 60 с.

В целом на сегодняшний день, если считать переиздания и переводы за границей, одних только весьма пухлых моих томов издано примерно 30. Так что, за жизнь уже сделано довольно много и, смело можно сказать, прожита она не зря! Статей у меня написано, – если иметь в виду объём, – меньше. Так уж получилось, что больше как-то оказался автором толстых книг. Но, тем не менее, у меня есть 2,5 сотни статей, включая не только вводные очерки, но и собственные оригинальные статьи в каждом из доброй дюжины сборников статей. Это только сборники, изданные за моей подписью в качестве ответственного редактора. Так выглядит пока моя научная и педагогическая биография. Добавлю к ней, что довольно регулярно печатаю

в *Независимой газете* полосы (каждая примерно 0,5 а.л.) на различные исторические темы, их тоже уже не менее двух десятков, и это мой отклик на разные острые социополитические и политологические темы.

ЭС: Сделано очень и очень много! Каковы Ваши планы и проекты на будущее?

ЛВ: Что касается планов и проектов в моей научной и преподавательской деятельности, то с этим все в порядке. Их много, причем тематика и проблематика выбирается самостоятельно и свободно. Программа читаемых курсов пишется мной же, хотя иногда это подчинено забюрократизированной рутине. Бюрократизация преподавательской деятельности всегда была, и она в последнее время весьма усиливается. Кроме уже названных работ, я ещё пишу и намерен скоро издать, вы будете, быть может, удивляться, несколько томов нового исследования «Метаморфозы России». Объясню, почему взялся за эту актуальнейшую тему. Когда писал «Всеобщую историю», туда составной частью была включена и российская, как часть всеобщей. После этого убедился в том, что Россия – Восток и Запад, а также не-Восток и не-Запад одновременно. Поскольку уж так судила судьба, и много времени и сил было потрачено на *Историю Востока*, и на историю религий, и всеобщую историю, и кое-что написано о России во *Всеобщей истории*, я счел, что справлюсь и с этим делом, очень, скажу вам, для любого историка-специалиста интересным. И – взялся. И знаете, неплохо получается. Однако, подождём, будущее покажет!